

Эжен Лабом

От триумфа
до разгрома
*русская кампания
1812 года*

Эжен Лабом

**От триумфа до разгрома.
Русская кампания 1812-го года**

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Лабом Э.

От триумфа до разгрома. Русская кампания 1812-го года /
Э. Лабом — «Мультимедийное издательство Стрельбицкого»,

"Я имею непосредственное отношение к тому, что я видел. Я был свидетелем величайших бедствий, которые когда-либо постигли великую нацию, зрителем и участником каждого эпизода этой печальной и памятной кампании". - так начинает свой рассказ о походе Наполеона в Россию инженер-географ капитан Эжен Лабом, служивший в штабе 4-го корпуса принца Евгения Богарне. Основной его задачей было составление карт и планов местности, крайне необходимых для ведения боевых действий вообще, а на вражеской территории особенно. И тем не менее, он сражался и терпел те же лишения, что и любой рядовой солдат. Будучи хорошо образованным и любознательным человеком, обладающим писательским даром и не лишенный воображения, он ярко и экспрессивно описывает Русскую кампанию 1812 года. Его имя по праву стоит в одном ряду с такими мемуаристами, как знаменитый капитан Куанье и де Сегюр. Но кроме обычного описания событий, он еще и аналитик, старающийся разобраться в причинах произошедшего. Этим свойством он кардинально отличается от других авторов-очевидцев. Несомненно, читатель, начав читать этот дневник, уже не сможет остановиться не дойдя до самого конца - и в этом заслуга его автора - Эжена Лабома.

© Лабом Э.

© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ ПЕРЕВОДЧИКА	5
ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА	7
ЧАСТЬ I	8
КНИГА I. ВИЛЬНО	8
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Эжен Лабом

ОТ ТРИУМФА ДО РАЗГРОМА

РУССКАЯ КАМПАНИЯ 1812-ГО ГОДА

ПРЕДИСЛОВИЕ ПЕРЕВОДЧИКА

Перевод этой книги выполнен по изданию: «A Circumstantial Narrative of the Campaign in Russia, embellished with plans of the battles of the Moskwa and Malo-Jaroslavits. / Eugene Labaume, Captain of the Royal Geographical Engineers; Ex-Officer of the Ordnance of Prince Eugene; Chevalier of the Legion of Honour, and of the Iron Crown. Author of an Abridged History of the Republic of Venice. – Rochester: Published by Silas Andrus and by E. Peck amp; Co., 1817. – 356 pp».

На русский язык в полном объёме это произведение переводится впервые.

К сожалению, издатель не снабдил книгу своим предисловием, посему поиск данных об авторе возлег на плечи переводчика. Вот все, что удалось найти о нем.

Эжен Лабом – капитан Королевского корпуса инженеров-географов, кавалер ордена Железной короны – родился в Вивье (Овернь, департамент Ардеш) в 1783 г. В молодости он посвятил себя военной карьере и поступил на службу в инженерный корпус. Вскоре Лабом переехал в Италию, где вице-король Италии Евгений Богарне назначил его инженером-географом в чине су-лейтенанта. Лабом нечасто выполнял свои прямые обязанности, поскольку принц использовал его на объектах, которые представляли для него особый интерес: например, по проекту Лабома вокруг его дворца был построен парк. По просьбе Богарне Лабом переехал в Венецию, чтобы измерить тамошние лагуны и разметить течение реки Brenty. В 1811 г. он послал Лабома в Париж якобы с целью проведения топографических работ. Лабом воспользовался долгим пребыванием в столице, чтобы поупражняться в писательском деле: он опубликовал двухтомную «Краткую историю Венецианской республики» (Париж, 1811). Однако позже выяснилось, что книга Лабома – краткий пересказ истории Венеции аббата Ложье, а автор не держал в руках ни одной оригинальной работы по истории Венеции. Тем не менее, это издание было посвящено вице-королю, и теперь его симпатия к Лабому удвоилась: Богарне повысил его до лейтенанта, а в кампании 1812-го года Лабом был одним из его личных помощников. Из России Эжен Лабом вернулся в Венецию с орденом Почетного легиона, а после отречения Наполеона продолжил службу при вице-короле. Во время своего последнего пребывания в Париже, он опубликовал «Подробное описание Русской кампании 1812 г., украшенное планами битв за Москву и Малоярославец». При всей своей неполноте (книга описывает только те военные операции, в которых участвовал корпус принца Евгения), эта история представляет интерес, сочетая точность фактов и литературность. После реставрации Лабом получил место в топографическом бюро военного министерства, и стал одним из трех его историографов. Умер в Пон-Сент-Эспри (Лангедок, департамент Гар), 5-го февраля 1849 г.

К сему можно добавить только, что капитан Лабом был мужественным и волевым человеком – ведь от армии Наполеона к январю 1813-го года осталось только около пяти процентов личного состава. Он был аккуратным и весьма организованным по характеру своему. Об этом можно судить, только глянув на оглавление его книги – четкая структура и приблизительно равный объем глав.

Во время перевода использовались и другие издания, в частности, и французские. Замечено, что все тексты отличаются друг от друга, правда, незначительно. Есть и сокращения –

опять-таки, опущены сведения общего характера, те события, которые подробно освещены в более специализированных изданиях, касающихся истории наполеоновских войн. Главное – авторская точка зрения – сохранена, она и делает эти мемуары ценными для историка и интересными для обычного читателя.

Для удобства читателя все примечания сделаны в виде сносок. Большая их часть посвящена географическим пунктам, что неудивительно, ведь автор был военным топографом и картографом.

И, конечно, уделено внимание любопытным и малопонятным местам.

Свои мемуары Эжен Лабом снабдил собственноручно выполненными планами битв у Бородино и Малоярославца, а также подробными описаниями Великой Армии Наполеона и русской армии. Поскольку на сегодняшний день существует множество трудов, в которых опубликованы планы этих битв, составленные с учетом последних научных изысканий, в данном переводе карты автора публиковаться не будут.

Виктор Пахомов.

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Я имею непосредственное отношение к тому, что я видел. Я был свидетелем величайших бедствий, которые когда-либо постигли великую нацию, зрителем и участником каждого эпизода этой печальной и памятной кампании. Это не вымышленный рассказ, искусно расцвеченный яркими красками лжи и фальши. Я каждый день вел записи в своем дневнике и теперь хочу просто поделиться своими впечатлениями и чувствами, которые я тогда испытывал. При свете зарева пылающей Москвы я писал о мародерстве и разграблении этого несчастного города, на берегу Березины – о полном трагизма переходе через эту реку. Прилагаемые карты битв под Москвой и при Малоярославце были составлены там же по приказу принца Евгения.

Едва ли можно представить себе, какие трудности мне пришлось преодолеть в ходе моей работы. Вынужденный, как и мои боевые товарищи, каждый день бороться за удовлетворение самых насущных потребностей, пронизанный холодом, измученный голодом, жертва всех несчастий мира, не имеющий никакого представления, просыпаясь на рассвете, увижу ли я солнце, а по вечерам сомневающийся, проснусь ли я завтра – все мои мысли сосредоточились в горячем желании жить, чтобы иметь возможность увековечить память о том, что я видел. Воодушевляемый этим непреодолимым чувством, я каждый вечер записывал обо всем, что происходило за день, сидя возле едва тлеющего костра, при температуре от десяти или двенадцати градусов мороза,¹ окруженный мертвыми и умирающими. С помощью ножа, которым я отрезал мясо от конской туши, я очинил воронье перо, а небольшое количество пороха, смешанного с растопленным снегом, и помещенное в углубление моей ладони, служили мне чернилами и чернильницей.

Хотя я писал этот труд не испытывая злобы и без всяких предубеждений, должен признаться, что частенько в течение этой ужасной, порожденной чудовищными амбициями кампании, я с трудом сдерживал свое негодование против автора всех наших несчастий. Но меня вдохновляло мое уважение к нему, а память о славных победах, свидетелем которых я был, и почести которых я был удостоен, заставили меня говорить об этом походе с умеренностью и сдержанностью.

Имея постоянно перед собой скорбный образ толпы воинов, обреченных на жалкую смерть в дальних краях, меня поддерживала надежда, что даже их враги отдадут хотя бы небольшую дань уважения их мужеству. А с тех пор, как эти воины перестали быть опорой и защитниками своей страны и, даже, не находятся среди живых, посюдействуют сохранению памяти о них. Я буду несказанно рад, если мой читатель убедится, что даже в самых страшных ситуациях наши храбрые солдаты всегда сохраняли свое достоинство, ни разу не запятнали свои честь и древнюю славу, враг опасался их, а победить их смогли только силы природы.

---

¹ По Реомюру. 13–15 градусов мороза по Цельсию. – Прим. перев.

ЧАСТЬ I

КНИГА I. ВИЛЬНО

Если внимательно рассмотреть самый блестящий период нашей славы, мы увидим, что после договора в Тильзите² Франция достигла пика своего могущества. Испания – наш «союзник» – была, на самом деле, одной из наших провинций, откуда мы получали деньги, людей и корабли. Италия, мудро управляемая принцем, который был и искусным воином, и умелым политиком одновременно, жила по тем же законам, что и Французская империя, имела свою долю прибыли для собственного развития и процветания и гордилась тем, что ее легионы, посланные в Прибалтику, проявили чудеса мужества и благородства, чтобы Франция обрела так необходимый ей мир. Германия, встревоженная нашим колоссальным взлетом, далекая от наших успехов, старалась просто сохранить саму себя путем внесения все больших изменений в законы, которые вели к гибели немецкой конституции. Англия – единственный постоянный противник амбициозности, столь фатальной для человечества, видела в процветании Наполеона новую угрозу для себя и всего континента. Ревниво охраняя свою славу «ограничителя безграничного честолюбия», она возвала к государям северных стран, убеждая, что в их интересах как можно быстрее остановить столь быстрый рост нашей силы и могущества. Напрасные усилия! Эти государи еще не обрели той необходимой степени убежденности, что им всем нужно объединиться, чтобы сокрушить, желающего поглотить их великана. Страсть Наполеона к завоеваниям, по возвращении его из Тильзита, пробудила в нем идею объявить несправедливую войну Испании. Эта идея не только подпортила его лавры, но впоследствии предоставила его врагам возможность уничтожить его могущество.

Слабый принц лишь номинально царствовал на этом несчастном полуострове. На самом деле частично страной управлял вероломный министр – изменник и предатель по отношению к своей стране, к своему королю и благодетелю. И, благодаря его ужасающим знакам уважения к злым советам иностранцев, нация деградировала, права ее он, казалось, узурпировал для того, чтобы уничтожить. Слабохарактерность отца и равнодушие сына способствовали его преступным взглядам. Он рассорил их друг с другом, и тотчас образовались враждующие партии. Хитрый Наполеон воспользовался этим разладом, чтобы возбудить гражданскую войну и зажечь пламя, так необходимое для воплощения самого несправедливого и позорного своего плана – плана, являющегося в истории цивилизованной нации примером отвратительнейшей неблагодарности, несвойственной даже варварским народам.

Испания, несмотря на свое соседство с Францией, была малоизвестна, а характер его жителей еще менее понятен. Это фатальное невежество ввело в заблуждение завоевателя и побудило его попытаться совершить неудачное вторжение, о бедствиях от которого, однако, можно легко забыть, если учитывать Московскую кампанию – это была основная причина тех событий, которые привели к счастливому освобождению мира.

Я не намерен анализировать эту злосчастную агрессию, которая сделала врагами два сильных и славных народа, которых всегда объединяло чувство взаимного уважения. И эти дружеские чувства сохранялись бы весьма долго, если бы не коварная политика тирана. Война, которая затем последовала, запомнившаяся благодаря ее упорству и превратностям, является интересной темой не только для историка, но и для военного человека, благодаря большому количеству данных для ее изучения и осмысления. Я лишь кратко замечу, что Провидение,

---

² Тильзит – теперь Советск, Калининградская область, Россия. – Прим. перев.

похоже, пробудило в Наполеоне желание начать эти две несправедливые войны, чтобы убедить испанцев и русских, что союз с пороком неизбежно окажется фатальным. Таким способом Всевышний хотел показать, что тирания является преступлением против общих и неотъемлемых прав человека, и что он во все времена, успешно выступал на стороне тех, кто шел под знаменами справедливости.

В то время как Наполеон тщетно пытался прогнать англичан с полуострова, в Германии началось движение. Австрия, которую так часто унижали, более не могла терпеть. Сопротивление испанцев, и мощное оружие англичан предоставили ей благоприятную возможность восстать и попытаться восстановить потерянные территории и свою политическую значимость.

Однако новая война против Австрии лишь принесла новый триумф Франции. Ландсхут, Экмюль³ и Регенбург были блестяще атакованы, и этот успех через четыре месяца стал основой для одной из самых памятных побед. Поле Ваграма⁴ обновило чудо Аустерлица⁵ и закрепило за Францией славные результаты той кампании.

Венский мирный договор принес нам несколько богатых провинций. Он способствовал процветанию Вюртемберга и Баварии, и, казалось, у Польши появились перспективы ее полного восстановления. Но этот договор, основанный на воле сильнейшего – как и все предыдущие – содержал бы семена нового раздора, если бы совершенно неожиданный альянс, не увенчал серию удач Наполеона. Из всех благ, дарованных ему судьбой, брак был, несомненно, самым большим благом, так как он навсегда определил судьбу человека, который начинал свой жизненный путь с самых низов общества, а теперь стал одним из могущественных монархов. Но его успех ослепил его, ему было все мало, и потому, выдумывая новые – и романтические, и безбожные – проекты, он рисковал всем тем, что он приобрел. Он утомил своего доброго гения и пошел по роковому пути. Добавлю еще, что он считал, – и это была его личная глупость – что все, что он делает, ведет к укреплению его власти. Но он просчитался.

Тот период времени можно считать самым счастливым в жизни Наполеона. Чего еще можно было желать? Начав простым человеком, он сам себя поднял на первый престол мира, его правление было отмечено бесконечной цепочкой побед. И – вершина счастья – родился столь желанный сын и наследник. Народ, хотя и жилось ему тяжело, привык к нему и, вероятно, желал сохранить корону за его семьей. Все иностранные принцы, находившиеся под его властью, были его вассалами. Они имели свои армии и снабжали его деньгами, таким образом, удовлетворяя его желания. Короче говоря, все подчинялись ему.

У него было абсолютно все для того, чтобы чувствовать себя счастливым! Абсолютно все, но только для человека, обладающего чувством меры. Но Наполеон к таковым не относился и, следовательно, не испытывал ни счастья, ни покоя. Для него – волнуемого неутомимым духом, и мучимого неуправляемыми амбициями, избыток удачи оказался губительным. Стремясь получить недоступное, и игнорируя человеческую природу, он потерял всякое понятие о чести и гуманности – он потерял самого себя.

Правитель Германской империи, казалось, устал от долгого и мучительного для его страны сопротивления. Наступил момент, когда он решил покориться судьбе и сдаться победителю. Ради мира он пожертвовал своей славой и даже своими наследниками, таким образом, оживив те сказочные времена, когда благородные князья жертвовали своими дочерьми, чтобы успокоить гнев какого-нибудь демона, разоряющего его страну.

Казалось, грядут большие изменения, задуманные Наполеоном, и простые люди, ограниченные взгляды которых редко проникают в глубины умов амбициозных монархов, думали, что неожиданный союз между этим человеком и эрцгерцогиней, удовлетворит все его неуме-

---

³ Экмюль – теперь Эгтмюль (Eggmühl), ФРГ. – Прим. перев.

⁴ Ваграм – теперь Дойч-Ваграм (Deutsch-Wagram), Австрия. – Прим. перев.

⁵ Аустерлиц – теперь Славков-у-Брна (Slavkov u Brna), Чехия. – Прим. перев.

ренные желания. Они также ожидали, что нежные родительские чувства подскажут им, что прочность трона зиждется не на честолюбивых завоеваниях, оплаченных кровью и слезами, но на мудрой системе управления, которая укрепляет доверие к власти, что обеспечивает ее долгое существование. До сих пор не было еще такого человека, который обладал бы достаточным количеством средств для обеспечения счастья человечества. Однако многого не требуется – только справедливость и благоразумие. Именно этого народ ожидал от него, и даровал ему свое безграничное доверие, которым тот впоследствии так жестоко злоупотребил. Грядущим поколениям будет нелегко решить, в чем большая вина Наполеона – в преступлениях, которые он совершил, или в том, что он пренебрег тем хорошим, что он мог бы воплотить.

Вместо того чтобы спокойно и разумно подумать над тем, как лучше всего использовать свои огромные ресурсы, он придумывал безумные, невыполнимые проекты, абсолютно не думая, сколько невинных людей понапрасну погибнет в тщетной попытке воплотить их в реальность. Постоянные боли в области селезенки, меланхолия, малейшие возражения раздражали его. Сама мысль о том, что где-то есть страна – большая и достаточно богатая, чтобы игнорировать его предложения, и способная противостоять его пагубному влиянию, рвала его душу и отравляла самые счастливые моменты его славы.

Надеясь завоевать этого непобежденного врага, он тщетно пытался захватить каждый уголок Европы. Только он думал, что захватил один, как тут же терял другой. Взбешенный от невозможности реализовать свои химерические планы, он бросил все силы на завоевание всего мира. Его бесило только одно – что есть страна, достаточно сильно отдаленная от континента, а потому, пользуясь такой удачной ситуацией, может себе позволить игнорировать его.

Потом он начал увольнять тех своих министров, мудрость и здравомыслие которых, он презирал. По его мнению, талант – это умение слепо подчиняться его абсурдным приказам, и это качество необходимо даже для самого мудрого, чтобы стать послушным и презренным рабом. Тирани своего народа и армии, а также раб своих собственных необузданных страстей, он окидывал своим алчным взглядом Землю и стремился создать свою мировую империю. Слепленный своим несдержанным и вспыльчивым нравом, он пошел по ложному пути. И его политика привела к тому, что могущественные государи севера – равно как и перед тем, юга – из полезных и дружественных союзников превратились в его злейших и опасных врагов.

В своих безумных мечтах он мечтал значительно увеличить территорию Франции. Это был безумный замысел, и он очень опасался, что Россия займет место на древнем престоле Константина, и возьмет под контроль оба моря, омывающих Европу. Он выдавал себя за пророка, предсказывая плохое будущее своей страны и, таким образом принося в жертву нынешнее поколение во имя будущего призрачного всеобщего счастья.

Ослепленному избытком процветания, ему казалось, что соседние державы смотрят на него с завистью и, судя о других по себе, он воображал, что Россия тайно завидует, глядя на союз самых древних и самых современных империй. Руководствуясь этой идеей, он продолжил воплощать свой разрушительный план, желая, как он говорил, чтобы его династия стала вскоре самой древней в Европе, он попытался застраховаться от возможной узурпации, сместив всех законных принцев, отдав их венцы своим братьям, либо так же изнеженным под влиянием его тирании, либо способным на соперничество с ним. Чтобы они стали подобны бледным спутникам, вращающимся вокруг зловещей звезды.

Тильзитский договор о мире был подписан, но это было лишь перемирие для тех, кто знал характер Наполеона. Все, кто сравнивал постоянно растущую мощь двух великих империй, предсказывали приближающийся конфликт и предвидели, наблюдая за их непрерывным ростом, полное разрушение в будущем тех колоссальных государств, которые каждое из них пыталось построить. Расстояние, разделявшее их, вполне было сопоставимо с разницей в их интересах, но завоевание Францией приграничных с Россией территорий, предвещало жестокую войну между этими конкурирующими державами, и эта война потрясла весь мир.

Более двух лет Россия и Франция занимались развитием своих армий, но, в конце концов, Наполеон, усилив гарнизон Данцига,⁶ в состав которого входила пехота, добавив еще конницу, артиллерию и парк военного транспорта, решил более не воздерживаться от претензий к России. Забыв, что с момента заключения Тильзитского договора он вторгся не только в Голландию и ганзейские города, но также и в герцогство Ольденбургское, принадлежавшее сестре Александра, он обвинил последнего в возобновлении торговых отношений с Англией.

И с этого момента Франция начала массивную подготовку! Многочисленные легионы поспешили с берегов Тахо к Одру и видя, что Пруссия не оказывала сопротивления вплоть до того момента, когда Берлин был окружен со всех сторон, герцог Реджио (Удино) вошел в него как завоеватель. Вскоре после этого король Пруссии был вынужден покинуть свою столицу и уступить командование французским генералам.

Тогда же появился новый договор о союзе между Францией и Австрией, которым было предусмотрено, что каждая из двух договаривающихся держав должна предоставить другой вспомогательный корпус из тридцати тысяч человек, в случае нападения извне. Наполеон заявил, что ему угрожает Россия и получил обещанную помощь. Этим корпусом командовал князь Шварценберг. Таким образом, Наполеон тиранил царей точно так же, как Робеспьер тиранил обычных людей. Нейтральным не мог оставаться никто. Мирлюбие расценивалось как предательство, а рассудительность – как преступление.

Бесчисленные войска пересекли Германию и направились к Одру. Король Вестфалии (Жером Бонапарт) во главе своей Гвардии и двух дивизий, уже перешел эту реку. А также баварцы и саксонцы. 1-й корпус был в Штеттине, 3-й шел за ним, 4-й, прибыв в Глогау,⁷ заменил вестфальцев, двигавшихся на Варшаву.

Состав нашей армии было довольно любопытным и впечатляющим. Если бы я начал перечислять различные войска, это бы напомнило моему читателю описание Гомера в том месте, где он говорит о разных народах, отправившихся на завоевание Трои. В апреле месяце Великая Армия состояла из восьми пехотных корпусов, каждая из которых содержала, по меньшей мере, три дивизии (ранее было пять дивизий) и один кавалерийский корпус. К ним были присоединена Императорская Гвардия, состоящая, приблизительно, из пятидесяти тысяч человек, и три больших резервных кавалерийских корпуса. Общее количество наших сил составляло примерно триста тысяч пехоты и шестьдесят тысяч кавалерии. Более тысячи пушек, распределенных среди различных корпусов, составляли нашу артиллерию.

Князь Экмюльский (Даву) уже давно командовавший пятью дивизиями, возглавил 1-й корпус нашей армии. 2-й был поручен герцогу Реджио (Удино), 3-й – герцогу Эльхингенскому (Ней). Четвертым корпусом, известным как Итальянская армия, и в котором воевала Итальянская гвардия, командовал вице-король Италии (Евгений Богарне). Князь Понятовский руководил 5-м Польским корпусом. Баварцами, включенными в 6-й корпус, командовал граф Гувион Сен-Сир. Саксонцы входили в состав 7-го корпуса под командованием генерала Ренье. Вестфальцы маршировали под командованием своего короля (Жерома Бонапарта), возглавившего 8-й корпус. Девятый корпус возглавлял герцог Беллунский (Виктор) и, наконец, 10-й корпус, которым командовал маршал Тарентский, состоял из прусской дивизии под командованием генерала Граверта, и дивизии генерала Гранжана.

Русская армия отличалась от нашей тем, что была разделена на два корпуса, называемых 1-я и 2-я Западные армии. 1-ой командовал генерал Барклай-де-Толли, а 2-й – князь Багратион. Количество дивизий доходило до сорока семи, из них восемь кавалерийских. Император Александр, прибывший в Вильно⁸ со всем своим штабом 26-го апреля, долго готовился к отра-

---

⁶ Данциг – теперь Гданьск (Gdańsk), Польша. – Прим. перев.

⁷ Глогау – теперь Глогув (Głogów), Польша. – Прим. перев.

⁸ Вильно – теперь Вильнюс (Vilnius), столица Литвы. – Прим. перев.

жению нашей атаки. Но те, кто изучил и знал наши способы ведения войны, настойчиво советовал царю не рисковать, вступая в открытый бой, они прекрасно знали, что амбиции Наполеона неизбежно заведут его вглубь незнакомой страны, которая – когда наступит суровая зима – станет могилой для его армии.

Хотя Пруссия и заключила с нами договор, благоразумие подсказывало, что союз, заключенный насильно, ненадежен. Французские гарнизоны, размещенные в разных укрепленных местах, охраняли их с особой тщательностью, в частности, Глогау, где находился 4-й корпус. Его близость к Бреслау,⁹ куда вместе с остатками своей армии переехал смещенный прусский король, естественно, вызвала у нас опасения, и побуждало губернатора принять все меры предосторожности против возможного восстания, которое, наверняка бы смогло сорвать планы Наполеона.

Четвертый корпус, прибывший из Италии, получил название Итальянский наблюдательный корпус. В его задачи входило, судя по его названию, идти перед основными силами и наблюдать за флангами и, если потребуется, участвовать в сражении вместе с основными силами. Имея честь принадлежать к этому корпусу, я буду больше внимания уделять его подвигам во время этой памятной кампании. Поскольку он участвовал в отдельных, более интересных операциях, чем другие корпуса, а к основной армии наш корпус присоединился в основном в тех случаях, когда Наполеону было необходимо сконцентрировать все свои войска.

Вице-король (Евгений Богарне), прежде чем быть назначенным командующим 4-м корпусом, временно руководимым герцогом Абрантесом (Жюно), был вызван в Париж, где его частые совещания с Императором привели его к полной уверенности, что принц достоин более высокого уровня, чем быть просто командующим одним из армейских корпусов. Долгое время уже ходили слухи, что Наполеон, желая прекращения испанской войны, объявил на совете, что намерен доверить управление империей молодому принцу, если обстоятельства заставят его самого отлучиться из столицы. Но эти блестящие надежды, которые с момента, когда Император расстался с его матерью, и так не имели под собой никаких оснований, вскоре рухнули. Получив необходимые инструкции, вице-король примерно через неделю после его прибытия в Париж, выехал в сторону Польши и прибыл в Глогау 12-го мая.

В Глогау он осмотрел вверенные ему войска, и был особенно рад прекрасной форме и выправке 15-й дивизии, состоящей только из итальянцев и насчитывающей 13 000 человек. Солдаты, этой дивизии были настолько дисциплинированы, что генерал Пино, хотя и был первым капитаном Королевской Гвардии, считал за высокую честь командовать ими.

4-й корпус должен был собраться в Плоцке. Баварская армия была уже там, а вице-король прибыл в этот город через Познань на несколько дней раньше своей армии. Он провел рекогносцировку берегов реки Нарев, а также занимался приведением в порядок линии обороны, образованной этой рекой и группой озер между Ангербургом¹⁰ и Йоханнисбургом.¹¹ Его Высочество лично осмотрел крепость Модлин,¹² куда приехал также король Вестфалии. Судя по результатам совещаний между этими князьями, военные действия предполагалось вести на берегах Буга и Нарева. Однако несколько дней спустя все внимание переключилось на Императора, прибывшего из Торна.¹³ Принц Евгений отправился засвидетельствовать ему свое почтение к нему, и после возвращения отдал необходимые распоряжения о дальнейшем движении 4-го июня.

---

⁹ Бреслау – теперь Вроцлав (Wrocław), Польша. – Прим. перев.

¹⁰ Ангербург – теперь Венгожево (Węgorzewo), Польша. – Прим. перев.

¹¹ Йоханнисбург – теперь Пиш (Pisz), Польша. – Прим. перев.

¹² Модлин – теперь Новы-Двур-Мазовецки (Nowy Dwór Mazowiecki), Польша. – Прим. перев.

¹³ Торн – теперь Торунь (Toruń), Польша. – Прим. перев.

В этот день наш корпус выступил на Солдау,¹⁴ в который он прибыл 6-го июня. Войскам разрешили двухдневный отдых. Эти два дня были использованы для строительства печей для выпечки хлеба для армии. Затем мы выступили на Вилленберг,¹⁵ где так же оставались два дня, а спустя три дня мы прибыли в Растенбург,¹⁶ аккуратный маленький город, окруженный озерами. В нем мы хорошо пополнили свои запасы провианта, поскольку это самый крупный и самым густонаселенный город из всех, что мы встретили на нашем пути из Глогау. Из Растенбурга мы отправились в Лютцен,¹⁷ а потом в Олецко – последний город в Восточной Пруссии.

Пройдя еще два лье, мы вошли в Польшу, и очень скоро ощутили поразительную разницу между этими двумя странами. В одной – дома чистые и хорошо построены, в другой – грязные и неуклюжие. Те жители, которых мы встречали до сих пор – вежливы и гостеприимны, здесь же население в основном состоит из грязных и отвратительных евреев. Многие из мелких помещиков были не в состоянии поддерживать необходимый для их ранга уровень пышности, в то же время высшая знать совершенно другая – они смелы, великолепны и щедры. Незапятнанная честь и пламенный патриотизм никогда не являлись их истинными духовными ценностями. Крестьян очень мало, и этот дефицит населения в сочетании с бесплодием почвы, является причиной общей отсталости страны. Песчаные равнины Польши, засеянные только чихлом, похоже, никогда не будут давать богатых урожаев.

Мы прибыли в Кальварию, крупный город, заселенный евреями. В Мариенполе¹⁸ мы нашли подобное население. Устав от лицемерия такого множества этих отвратительных людей, мы частенько поговаривали, что Польша – это лишь вторая Иудея, в котором поляки почти не встречаются.

Тем временем, Наполеон покинул Торн, и посетил укрепленный город Данциг, который, как я считаю, неудержимая жажда господства Императора сделала одним из самых значимых в его империи. Оттуда он отправился в Остероде¹⁹ и быстро прошел через города Лейпштадт²⁰ и Кройцбург,²¹ миновал Гейльсберг,²² Эйлау²³ и Фридланд²⁴ – места его величайших военных побед. Прибыв в Кенигсберг,²⁵ он занялся подготовкой своего великого предприятия. Он осмотрел многочисленные подразделения, посетил крепость Пиллау,²⁶ а через несколько дней, идя в центре своей армии, недалеко от Гумбиннена²⁷ перешел реку Прегель.²⁸

Наполеон надеялся, что его приготовления запугают Россию и заставят ее подчиниться его диктату, в то же самое время он игнорировал абсолютно все, что могло бы привести к дружеским отношениям с Россией, или к сохранению мира. Россия, проявляя редкостную сдержанность, которую редко можно встретить у великих держав, согласилась с присутствием французского гарнизона Франции, но она требует – и это справедливо – вывода войск из Пруссии, чтобы между двумя великими империями была страна, свободная от чьих бы то ни было

¹⁴ Солдау – теперь Дзялдово (Działdowo), Польша. – Прим. перев.

¹⁵ Вилленберг – теперь Вельбарк (Wielbark), Польша. – Прим. перев.

¹⁶ Растенбург – теперь Кентшин (Kętrzyn), Польша. – Прим. перев.

¹⁷ Лютцен – теперь Гижицко (Giżycko), Польша. – Прим. перев.

¹⁸ Мариенполь – теперь Мариямполь (Marijampolė), Литва. – Прим. перев.

¹⁹ Остероде – теперь Оструда (Ostróda), Польша. – Прим. перев.

²⁰ Лейпштадт – теперь Милаково (Miłakowo), Польша. – Прим. перев.

²¹ Кройцбург – теперь Славское, Калининградская обл., Россия. – Прим. перев.

²² Гейльсберг – теперь Лидзбарк-Варминьски (Lidzbark Warmiński), Польша. – Прим. перев.

²³ Эйлау – точнее, Прейсиш-Эйлау (Preußisch Eylau) – в настоящее время Багратионовск, Калининградская область, Россия. – Прим. перев.

²⁴ Фридланд – теперь Правдинск, Калининградская область, Россия. – Прим. перев.

²⁵ Кенигсберг – теперь Калининград, Россия. – Прим. перев.

²⁶ Пиллау – теперь Балтийск, Калининградская область, Россия. – Прим. перев.

²⁷ Гумбиннен – в настоящее время Гусев, Калининградская область, Россия. – Прим. перев.

²⁸ Прегель – река Преголя, Калининградская обл., Россия. – Прим. перев.

войск. Эти разумные условия Наполеон назвал высокомерными и совершенно возмутительными требованиями!.²⁹ Узнав об отказе России принять посольскую делегацию графа Лористона без принятия этих предварительных условий, Наполеон пришел в ярость: «Побежденный позволяет себе говорить тоном победителя! Россия обречена, пусть свершится ее судьба». Он немедленно оставляет Гумбиннен и 22-го июня 1812 год прибывает в Вилковишки.³⁰ Там он опубликовал свое обращение к армии:

«Солдаты!

Вторая польская война началась. Первая окончилась в Фридланде и в Тильзите. В Тильзите Россия поклялась быть вечным союзником Франции и врагом Англии, но теперь она нарушила свою клятву! Она не желает дать никакого объяснения своим странным поступкам до тех пор, пока французские орлы не отойдут за Рейн и тем самым не покинут своих союзников на произвол судьбы.

Россия обречена. Судьба ее должна свершиться. Может она думает, что мы выродились? Или мы более уже не солдаты Аустерлица? Она ставит нас перед выбором: бесчестье или война. Выбор совершенно ясен. Итак, вперед, перейдем Неман, внесем войну на ее территорию.

Вторая польская война будет для французского оружия столь же славной, как и первая, но мир, который мы заключим, будет прочен и положит конец тому губительному влиянию, которое Россия уже в течение пятидесяти лет оказывает на дела Европы».

Это воззвание дошло до нас в Кальварии. При полном отсутствии какой-либо величественности, оно замечательно своей чрезмерной хвастливостью и «пророческим» тоном. Но все же, хотя оно содержит лишь однообразное повторение одних и тех же идей, это воззвание поднимало боевой дух наших солдат, всегда готовых слышать любые похвалы их мужеству. Окрыленные идеей победно прошагать по русской земле, они с гордостью ожидали начала второй польской войны и страстно желали пересечь реку, символизирующую конец первой войны и, в итоге победоносно завершить эту кампанию. Слово «Неман» возбуждало их воображение. Они жаждали перейти ее, и это желание было усилено тем, что, невзирая на высокий боевой дух и жажду завоеваний, плачевное состояние Польши каждый день приносило нам убытки и страдания. Завоевание России, всегда представляемой нам как земля обетованная, могло исправить это положение.

Русская армия, в отличие от нашей, состояла из шести частей. 1-й корпус – 20 000 человек, командующий – князь Витгенштейн, занимал Россиены³¹ и Кейданы.³² 2-й корпус, тоже состоящий из 20 000 человек, под командованием генерала Багговута, охранял Ковно.³³ 3-й, состоящий из 24 000 человек, возглавляемый генералом Шуваловым, находился в Новых Троках.³⁴ 4-й корпус генерала Тучкова, был размещен между Новыми Троями и Лидой. Эти четыре корпуса вместе с Гвардией, сформировали то, что русские называли 1-ой Западной армией. 2-я армия состояла из пяти корпусов, численностью до 40 000 человек и 6-го корпуса Дохтурова, состоящего из 18 000 человек. Эта 2-я армия, руководимая князем Багратионом, размещалась в Гродно, Лиде, и по всей Волыни. Там же, на Волыни генерал Марков руководил 15-й и 9-й дивизиями, вошедшими в состав 7-го корпуса, впоследствии, под командованием генерала Торماسова, воевавшего против Варшавского герцогства.

Таково было положение русских по ту сторону Немана, когда король Неаполя (Мюрат), командующий нашей конницей, установил свою штаб-квартиру на расстоянии около двух лье

---

²⁹ 2-й Бюллетень Великой армии. – Прим. автора.

³⁰ Вилковишки – теперь Вилкавишкис (Vilkaviškis), Литва. – Прим. перев.

³¹ Россиены – теперь Расейняй (Raseiniai), Литва. – Прим. перев.

³² Кейданы – теперь Кедайняй (Kėdainiai), Литва. – Прим. перев.

³³ Ковно – теперь Каунас (Kaunas), Литва. – Прим. перев.

³⁴ Новые Троки – теперь Тракай (Trakai), Литва – Прим. перев.

от западного берега реки (23-е июня). С ним были два кавалерийских корпуса под командованием генералов Нансути и Монбрена, каждый из которых состоял из трех дивизий. 1-й корпус занял позиции на опушке большого леса недалеко от селения Пилвишки.³⁵ 2-й корпус и Гвардия шли в арьергарде. 3-й, 4-й и 6-й корпуса направились на Мариенполь. Они шли с разницей в сутки друг от друга. Король Вестфалии с 5-м, 7-м и 8-м корпусами, направился маршем на Гродно свой марш в Гродно, к реке Нарев, намереваясь атаковать армию князя Багратиона.

В тот же день на Неман прибыли понтоны генерала Эбле. Наполеон, переодетый в мундир польского солдата, вместе с ротой инженеров генерала Аксо осмотрел берега Немана, чтобы выбрать наиболее удобное место для перехода. Около восьми часов вечера армия пришла в движение. Три роты дивизии Морана (1-я дивизия 1-го корпуса) перешли через Неман и обеспечили защиту трех мостов, переброшенных через реку.

Около часа ночи мы были недалеко от Ковно. Генерал Пажоль, выдвинувшись вперед, во главе одного батальона вошел в город и атаковал вражескую конницу, которая тотчас отступила. 24-го и 25-го июня армия продолжала переходить реку по трем понтонным мостам. Наполеон, приехав в Ковно, приказал построить еще один мост через Вилию, и в то же самое время король Неаполя (Мюрат) двинулся на Жижморы,³⁶ князь Экмюльский (Даву) – на Румшишки,³⁷ а герцог Эльхингенский (Ней) – на Кормелов.³⁸

На следующий день (27-го июня) наша легкая конница находилась в десяти лье от Вильно. На следующий день, около двух часов ночи, король Неаполя продолжил свой марш при поддержке кавалерийской дивизии генерала Брюйера и 1-го корпуса. Русские отступили от Вилии, предварительно сжегши мосты и военные склады. И теперь делегация жителей Вильно вручила Наполеону ключи от города. Император прибыл в Вильно около полудня и тотчас поручил генералу Брюйеру организовать аванпосты, чтобы выяснить, в каком направлении отступил противник. Во время преследования и боевой стычки на левом берегу Вилии был ранен и взят в плен Октав де Сегюр – капитан гусар. Этот выдающийся офицер был первым в этой кампании, кто попал в руки русских.

Дело в том, Наполеон выбрал довольно уязвимое место для переправы через Неман, поскольку возвышенность, с которой можно было наблюдать за Ковно, находилась на нашем, левом берегу. Но, несмотря на это, русские не собирались оказывать нам сопротивление. Говорят, что император Александр вел подготовку, чтобы воспрепятствовать нам перейти Неман, но в тот момент, когда наши войска начали наступление, генерал Барклай-де-Толли, бросившись к ногам своего хозяина, умолил его не вступать в борьбу с грозной армией, добавив, что нужно свободно пропустить Наполеона, сохраняя свои силы и резервы, а потом, когда голод и холод существенно сократит численность его войск, тогда и атаковать. Я не могу поручиться за достоверность этой истории, но ее нельзя считать совершенной выдумкой, если учесть, что император Александр, после шести недель пребывания в Вильно, постоянно следя за состоянием своей армии и намечая главные точки для обороны города, внезапно покинул его и отдал приказ отступать за Двину³⁹ и Днепр.

По приезде в Вильно мы прочитали воззвание императора России, сделанное им, когда он узнал, что французские войска перешли Неман. В нем так ярко отразились великодушие и справедливость Александра, что сравнивая его с обращением Наполеона, проникнутым духом безграничной наглости и несправедливости, читатель может получить полное представление

---

³⁵ Пилвишки – теперь Пилвишкяй (Pilviškiai), Литва. – Прим. перев.

³⁶ Жижморы – теперь Жежмаряй (Žiežmariai), Литва. – Прим. перев.

³⁷ Румшишки – теперь Румшишкес (Rumšiškės), Литва. – Прим. перев.

³⁸ Кормелов – теперь Кармелава (Karmėlava), Литва. – Прим. перев.

³⁹ Имеется в виду река Западная Двина. – Прим. перев.

о характерах этих двух завоевателей, к действиям которых ныне было приковано внимание всего мира. Вот оно:

«Долгое время Мы наблюдали неприязненные действия против России, исходящие от Французского Императора, но всегда мирными способами старались предотвратить их. Однако, видя непрекращающийся поток этой прямой и явной агрессии и, несмотря на наше искреннее желание сохранить спокойствие, Мы были вынуждены собрать и вооружить наши армии. Но даже тогда Мы утешались мыслью, что мир возможен. Мы не покидали границ Нашей империи и, не нарушая принципов мира, вели подготовку для собственной обороны. Но все примирительные и миролюбивые меры не смогли сохранить желаемого Нами спокойствия. Французский Император, внезапно атаковав нашу армию в Ковно, первым начал войну. Итак, видя, что ничто не может изменить его намерения, Нам не остается ничего иного, как призвав на помощь Всевышнего – Свидетеля и Защитника правды, противостоять силам противника. Мне нет необходимости напоминать генералам, офицерам и солдатам об их долге и их храбрости. Кровь доблестных славян течет в их жилах. Воины! Вы защищаете свою веру, ваше Отечество и вашу свободу! Я с вами. Бог покарает врага».

Вильно, 25-е июня 1812 г.

Александр

В то время как вся наша армия была сосредоточена недалеко от Вильно, второй русский корпус генерала Баговута отступил за Двину. Князь Витгенштейн отступал на Вилкомир,⁴⁰ поскольку герцог Реджио (Удино), маршируя на Янов⁴¹ и Шаты,⁴² заставил его уйти из Жемайтии. 28-го июня они встретились возле Девелтово.⁴³ Состоялся яростный пушечный бой, но князь Витгенштейн, вынужденный оставить свои позиции и преследуемый нашими войсками до самой Двины, перешел ее так стремительно, что у него не хватило времени, чтобы сжечь мосты.

Русские, отойдя за реку, отбивались от 5-го, 7-го и 8-го корпуса князя Понятовского, а король Вестфалии (Жером Бонапарт) захватил Гродно и очень плотно сблизился с 2-й Западной армией князя Багратиона. Однако Багратион хорошо закрепился и отражал все их атаки и, благодаря успешным действиям казаков, которым командовал атаман Платов, он бы, без сомнения, уже давно освободил порученные ему провинции, если бы после ухода из Вильно, он не получил бы приказ соединиться с Барклаем де-Толли. Князь Экмюльский (Даву) был немедленно отделен от нашего центра, чтобы занять дорогу, ведущую в Минск, и предотвратить их соединение.

29-го июня, 4-й корпус, который все еще был занят наблюдением за Неманом, наконец-то вышел на берег этой долгожданной реки. По прибытии в Пилони⁴⁴ – место, назначенное для нашего перехода, мы встретили вице-короля, герцога Абрантеса (Жюно) и весь штаб. Все, несмотря на дождливую погоду, были заняты строительством моста. Артиллерия Гвардии была размещена на господствующей высоте противоположного берега. Это была разумная, но ненужная предосторожность, поскольку разведка доложила, что по ту сторону Немана все спокойно.

---

⁴⁰ Вилкомир – теперь Укмерге (Ukmergė), Литва. – Прим. перев.

⁴¹ Янов – теперь Йонава (Jonava), Литва. – Прим. перев.

⁴² Шаты – теперь Шета (Šėta), Литва. – Прим. перев.

⁴³ Девелтово – теперь Делтува (Deltuva), Литва. – Прим. перев.

⁴⁴ Пилони – теперь Пилюона (Piliūna), Литва. – Прим. перев.

Теперь мы совершенно не сомневались в успехе нашего перехода, поскольку адъютант вице-короля, посланный с донесением к Наполеону, сообщил нам, что наши войска после благополучного марша от Ковно до Румшишков, прибыли в Жижморы, что даже позиции между Рикантаем⁴⁵ и Вильно были практически не охраняемы. Кроме того, на расстоянии около двух лье от города на высотах не было ни одного редута. Предшествуемый польскими уланами 8-го полка князя Радзивилла, Император вошел в него 28-го июня. В докладе этого офицера упоминалось о том, что пригороды немного пострадали от алчности наших солдат, но порядок был быстро восстановлен. Офицер также добавил, что этот большой и густонаселенный город окажет сильную поддержку нашей армии и очень благожелательно встретил Наполеона.

На следующий день спокойно перешли реку 13-я и 14-я дивизии генералов Бруссье и Дельзона, а на следующий день (1-го июля) – Гвардия, следовавшая за дивизией Пино. Таким образом, вся Итальянская армия, возглавляемая вице-королем, перешла Неман. Она восторженными криками приветствовала своего короля. А он, в свою очередь, был глубоко удовлетворен, видя своих воодушевленных солдат, уверенно шагающих по вражеской стране на расстоянии шестисот лье от родного дома так же четко и блестяще, как и на королевском параде.

Едва мы вышли на противоположный берег, как нам показалось, что изменился сам воздух. Тем не менее, дороги были ужасны, леса мрачны, и деревни совершенно безлюдны, но мы, охваченные духом завоевания, были очарованы абсолютно всем, что мы видели, но эти иллюзии, очень скоро развеялись.

В сущности, наше короткое пребывание в Пилони, когда сильнейший дождь лил как из ведра, был отмечен такими бедами, что любой, даже не суеверный человек, посчитал бы их как предзнаменование наших будущих несчастий. В этой убогой деревне даже самому принцу не нашлось жилья, мы теснились под какими-то жалкими навесами, а те, кому не повезло, подвергались всем видам воздействия суровой погоды. Невероятная нехватка провизии предвещала страшный голод. Дождь, ливший сплошным потоком, вызвал дикую панику и у людей, и у лошадей. Первые кинулись бежать в поисках убежища, а последние погибли, поскольку все дороги были просто уничтожены. Вся деревня и ее окрестности были усеяны трупами погибших лошадей. Дорога тоже была завалена мертвыми лошадьми, перевернутыми фургонами и разбросанным багажом. Это происходило в июле, поэтому мы, таким образом, страдали от холода, голода и дождя. Такое множество бедствий возбудило у нас печальные мысли о будущем и заставило многих усомниться в успешности так ужасно начавшейся кампании, но облака рассеялись, вновь появилось солнце, и с его появлением наши опасения бесследно ушли. И вот с этого момента мы снова стали уверены в том, что в дальнейшем все будет хорошо.

После двухчасового марша по болотистой местности, 1-го июля мы пришли в небольшой городок Крони.⁴⁶ Все дома в нем, и усадьба, построены из дерева. Я особо упоминаю об этом потому, что большинство русских деревень тоже построены из дерева. Если же я обнаружу иной способ строительства, я упомяну об этом. В Крони мы нашли немного водки, наши солдаты с жадностью накиннулись на нее. Евреев здесь не было, дома пусты и брошены, и мы поняли, что для того, чтобы ослабить наши силы, противник забирал с собой все запасы провизии и других необходимых вещей и уходил. А вместе с ним уходили местные жители, забирая с собой домашний скот.

---

⁴⁵ Рикантай – Рикантай (Rykantai), Литва. – Прим. перев.

⁴⁶ Крони – теперь Круонис (Kruonis), Литва. – Прим. перев.

На следующий день (2-го июля) мы получили приказ идти в Жижморы, чтобы вернуться на главную дорогу, по которой двигался Император. Прибыв в этот большой город, мы обнаружили только нескольких, напуганных нашим появлением евреев. Вначале мы получили приказ стать на квартиры, но после прибытия принца штаб продолжил свой путь на Мелангани,⁴⁷ дивизия Пино осталась в Жижморах, а генералы Дельзон и Бруссье – в окрестностях деревни Страсуны.⁴⁸

3-го июля мы продолжили путь на Рикантай. Это маленькая деревня, она окружена лесом, в ней есть небольшая, построенная из дерева усадьба. На холме возвышается церковь. Принц не стал тут ночевать, он поселился в замке, расположенном у дороги, ведущей в Новые Троки.

Солдаты нашего корпуса очень надеялись, что скоро будут в Вильно. Но, к сожалению, на следующий день (4-го июля) наш авангард вышел на дорогу в Новые Троки. Изменение маршрута огорчило всех. Говорили, что злой рок преследует наш корпус, что мы, измотанные и уставшие, теперь должны без всякой видимой причины миновать город, где мы надеялись отдохнуть после нашего долгого и утомительного марша. Наши командиры старались утешить нас, заверяя, что мы непременно увидим Витебск и Смоленск – эти города очень быстро заставят нас забыть о Вильно.

Четыре часа мы шли по вязкой и грязной тропе через густой лес и наконец, прибыли в Новые Троки, расположенный на возвышенности и окруженный озерами. Это восхитительное место настолько контрастировало с дорогой, которой мы шли, что все мы были в полном восторге, мы восхищались им и прекрасным видом на большой монастырь, расположенный на вершине горы, с которой можно было рассмотреть весь город. Иные поражались видом густых, непроходимых лесов и кристальной чистотой озер, которые, как говорят, никогда не замерзают. Те, кто способны понять и оценить красоту природы, никогда не уставали восхищаться этим романтическим местом. В середине озера, на острове находится старый разрушенный замок, потемневшие стены которого, с одной стороны вырастают из вод озера, а с другой стороны, казалось, сливаются с золотистой линией горизонта.

Издалека Троки показался нам прелестным местом, но после вступления в него, эта иллюзия бесследно пропала. Около первых же домов нас окружила толпа евреев с их женами, детьми и длиннобородыми стариками – все они на коленях умоляли нас избавить их от алчности солдат, которые врываются во все дома и грабили их, забирая все, что попадалось им под руку. Нам ничего не оставалось, как только утешать их. В этом городе не было складов, а наши солдаты давно уже не получали своих пайков и питались теперь только награбленным. Это создавало крайний беспорядок, а резкое падение дисциплины, породившее его, было еще более губительным, поскольку это – верный признак приближающейся гибели армии.

В домах русских не было мебели, так как бежавшие жители унесли с собой все, что могли, а дома евреев, грязные до омерзения, были разграблены нашими войсками. Таким образом, этот городок, такой красивый на первый взгляд, оказался крайне неприятным и некомфортным. Мы даже не смогли найти соломы себе для подстилки, а за фуражом для лошадей приходилось преодолевать около 4-х лье.

---

⁴⁷ Мелангани (Melangani) – деревня не сохранилась, теперь пригороды Каунаса. – Прим. перев.

⁴⁸ Страсуны – теперь Стросионай (Strošiūnai), Литва. – Прим. перев.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.